

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

EDN DFDGZG
DOI 10.26163/GIEF.2023.15.60.005
УДК 342.552.3:94(47)02/03:572.028

Л.А. Голубева, А.Э. Черноков

ГОРОД И ВЛАСТЬ В ДРЕВНЕЙ РУСИ: НЕСОСТОЯВШИЙСЯ СОЮЗ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Лада Анатольевна Голубева – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, кандидат юридических наук, доцент, г. Гатчина; e-mail: golubeva.gieft@yandex.ru.

Алексей Эдуардович Черноков – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, кандидат юридических наук, доцент, г. Гатчина; e-mail: chernokovgeorgy@yandex.ru.

Исследование становления государственности с позиций социальной антропологии, по мнению авторов статьи, дает возможность обосновать тенденции эволюции общественных отношений. Проведен анализ специфики эволюции древнерусской государственности, которая вызывает объективный интерес в настоящее время как повод для формирования определенных идеологических течений, дает возможность проследить зависимость политических отношений от уровня социально-экономической самостоятельности и грамотности населения. Согласно выводам, результат смешения западных и восточных элементов государственности имеет определенные последствия и в современности, несмотря на временную удаленность анализируемых событий.

Ключевые слова: политогенез; государство; государственность; племя; вождество; город-государство; полис; княжество; князь; вече; родоплеменной строй; община; социальная антропология.

L.A. Golubeva, A.E. Chernokov

CITY AND POWER IN ANCIENT RUS: THE FAILED UNION (HISTORICAL AND LEGAL RESEARCH)

Lada Golubeva – Associate Professor, the Department of State Law Disciplines, State Institute of Economics, Finance, Law and Technologies, Ph.D. in Law, Associate Professor, Gatchina; e-mail: golubeva.gieft@yandex.ru.

Alexey Chernokov – Associate Professor, the Department of State Law Disciplines, State Institute of Economics, Finance, Law and Technologies, Ph.D. in Law, Associate Professor, Gatchina; e-mail: chernokovgeorgy@yandex.ru.

According to the authors the study of the statehood formation from the social anthropology viewpoint makes it possible to substantiate trends in the evolution of social relations. The analysis of specifics of the evolution of ancient Russian statehood, which is of the objective interest nowadays as a cause for the formation of certain ideological trends, makes it possible to trace the dependence of political relations on the level of socio-economic independence and literacy of the population. The authors conclude that the mixing of Western and Eastern elements of statehood results in certain consequences also in modern times, despite the time remoteness of the analyzed events.

Keywords: politogenesis; state; statehood; tribe; chiefdom; city-state; polis; principality; prince; veche; tribal system; community; social anthropology.

Исследование становления государственности представляет интерес не только с точки зрения истории, но имеет значение и для выявления черт ментальности общества, порождающих проблемы государственно-правового характера в современности. В Древней Руси, судя по археологическим данным и летописным свидетельствам, в IX веке началось формирование городских центров. Этот процесс был связан с общей тенденцией возникновения государственности у восточных славян. Отчасти свой отпечаток на эти события наложил географический фактор, а отчасти – социально-экономический. Формирующиеся города располагались на торговых путях, что объективно делало их центрами притяжения сельской округи. Именно на данный аспект обращают внимание известные историки И.Я. Фроянов и А.Ю. Дворниченко, описывая ранний этап политогенеза на Руси [15, с. 29].

Следует учитывать и то обстоятельство, что многие средневековые города Запада возникали на твердом фундаменте античной городской цивилизации, сохраняли ее наследие и активно осваивали его. Древнерусские же города формировались в других исторических условиях, поскольку в Восточной Европе до Руси государственность в принципе отсутствовала, и политогенез шел по пути эволюции от родовой общины через вождество к раннему государству, каковым и могут быть признаны «волостные центры» (Киев, Новгород, Смоленск). Большую роль играло место расположения города (обычно на торговом пути с Севера на Юг или «из варяг в греки»). Учитывая, что плотность населения в Восточной Европе в IX–X вв. была во много раз ниже, чем в Западной Европе, можно сделать вывод об особом положении городского центра на Руси.

Определяющее значение торговли в процессе формирования городов фиксировал крупнейший отечественный историк начала XX в. В.О. Ключевский: «Если среди племени возникало два больших города, то оно разрывалось на две области (кривичи, северяне). Если среди племени не оказывалось и одного такого города, оно не образовывало и особой области, а

входило в состав области чужеплеменного города. Замечаем при этом, что появление значительного торгового города среди племени зависело от географического положения последнего: такие города, становившиеся центрами областей, возникали среди населения, жившего по главным речным торговым линиям Днепра, Волхова и Западной Двины. Напротив, племена, удаленные от этих линий, не имели своих значительных торговых городов и потому не составили особых областей, но вошли в состав областей чужеплеменных торговых городов. Так, не видно больших торговых городов у древлян, дреговичей, радимичей и вятичей; не было и особых областей этих племен. Значит, силой, которая стягивала все эти области, были именно торговые города, какие возникали по главным речным путям русской торговли и каких не было среди племен, от них удаленных» [8, с. 88–89].

Появление крупного торгового города в рамках «волости» или «земли» вело к быстрому образованию органов власти во главе с князем (местным или варяжским). Такой город-государство постепенно расширял подвластную ему сельскую местность и конкурировал с другими городами-государствами. Население городов в большей мере было пришлым, сельским по происхождению. Увеличение количества городов и рост населения в них были связаны в первую очередь с более обеспеченной жизнью горожанина, востребованностью ремесла и торговли, развитием денежного хозяйства в целом. На вопрос о том, насколько появление древнерусских городов зависело от политогенеза как такового, однозначно ответить трудно. Господствовавшая в советской историографии концепция феодализма как стимула развития городской жизни представляется устаревшей и фактологически неверной.

Прежде всего искусственной является теория феодализации общества, исходящая из соответствующих высказываний К. Маркса о роли классовой борьбы в истории человечества. Следует помнить о том факте, что марксизм, как одна из «великих идеологий» XIX столетия, создавался на основе изучения развития западной цивили-

лизации, которая последовательно проходила все стадии социально-экономического развития. Наступление феодализма, приходившего на смену Античности, К. Маркс обосновывал изменением отношений собственности. Изменения эти были вызваны сугубо жизненными обстоятельствами: «Последние века приходящей в упадок Римской империи и само завоевание ее варварами разрушили массу производительных сил; земледелие пришло в упадок, промышленность, из-за отсутствия сбыта, захирела, торговля замерла или была насильственно прервана, сельское и городское население уменьшилось. Все эти условия, с которыми столкнулись завоеватели, и обусловленный ими способ осуществления завоевания развили, под влиянием военного строя германцев, феодальную собственность. Подобно племенной и общинной собственности, она покоится опять-таки на известном сообществе (*Gemeinwesen*), которому, однако, противостоят, в качестве непосредственно производящего класса, не рабы, как в античном мире, а мелкие крепостные крестьяне. Вместе с полным развитием феодализма появляется и антагонизм по отношению к городам» [9, с. 11].

В Древней Руси ситуация развивалась иначе. Страну никто не завоевывал. Речь может идти лишь о том, что варяжские дружины, оседавшие в крупных торговых городах, стимулировали процесс государствообразования и на некоторое время дали Руси династию, ставшую славянской уже к XII в. Уровень развития Скандинавии в IX–XI вв. был в целом ниже Руси, и поэтому в отечественной политико-правовой традиции соответствующее влияние не прослеживается. Варяги оказались субстратом, который появился в нужное время в нужном месте. Скандинавов было слишком мало, чтобы они надолго могли властвовать на Руси самостоятельно. Обычно через два-три поколения норманны ассимилировались, и их потомки носили уже славянские имена. Вместе с тем норманны принесли на Русь дружинный строй, который органично соединился с вечевым укладом формировавшихся городов. Как полагал В.И. Сергеевич, исследуя природу

княжеской власти в Древней Руси, во взаимоотношениях «между князем и вечем должно быть единение, одиначество. По отношению к этому началу единения или соглашения народа и князя необходимо различать два момента: момент призвания князя и его последующую деятельность. В момент призвания народ и князь заключают между собой ряд, т.е. соглашение об условиях, которые кладутся в основание будущему княжению. В течение самого княжения могло возникнуть множество вопросов, подлежавших решению вече и князя. По этим вопросам были необходимы новые соглашения» [11, с. 104]. Соответственно, можно полагать, что принципиальных и непримиримых антагонизмов между князьями и городской верхушкой, да и народом в целом, не существовало.

Еще один значимый аспект развития древнерусских городов в противовес умопостроениям советских историков сводится к тому обстоятельству, что Русь не знала классов в марксистском понимании этого термина. Можно говорить о социальных противоречиях верхов и низов, о вспышках и бунтах, но не о классовой борьбе. Уровень социально-экономического развития средневековой Руси домонгольской эпохи существенно уступал Западу (за исключением таких ведущих торговых городов, как Вятка, Новгород и Псков). Древняя Русь не знала крепостного права, и большая часть ее населения была юридически свободна. Домашнее (патриархальное) рабство также можно не учитывать по причине малочисленности рабов и существовавшей практике отпуска их на свободу по истечении пяти лет. Соответственно, древнерусский город вряд ли являлся «коллективным эксплуататором» зависимого сельского населения, в противном случае были бы обнаружены летописные свидетельства о попытках селян свергнуть власть городов. В советской же исторической науке упор делался на классовую составляющую, и поэтому, как полагал один из крупнейших историков Б.Д. Греков, «город мог появиться только при наличии частной собственности, т.е. в классовом обществе. Родо-племенной

строй не знает городов в точном значении термина. Появление города означает разрушение родо-племенного строя» [3, с. 99].

Следует помнить об одном значимом условии: если сложноорганизованная структура большую часть своих сил тратит на внутреннюю борьбу, то она как единое целое долго существовать не сможет. Древнерусские города отнюдь не были местом постоянного выяснения отношений внутри городских стен. Большую часть конфликтов «гасили» в процессе согласования интересов. Город как единый организм гораздо чаще выступал «единым фронтом» с княжеской администрацией, а иногда даже становился инициатором различных завоевательных походов. Кроме того, князь выполнял ряд очень важных функций в сфере управления, и без этого института система власти начинала давать сбои. Для городской общины князь – прежде всего военачальник, защитник внешних рубежей страны, еще не имевшей устоявшихся границ. Кроме того, «помимо верховного командования князь – очень удобная фигура для отправления правосудия. Он не член общины, следовательно, лицо не заинтересованное. Решение, которое выносит князь, творя суд, есть простая формализация обычного права. Изредка ему Церковь подскажет, что необходимо издать какой-либо устав, что он и сделает. Непосредственное же законодательство князя проявляется только в мелочной регламентации уроков, вир и продаж» [6, с. 62].

Если обратиться к системе организации власти в древнерусских крупных городах, то на первое место по значимости выходит вече. Истоки этого института нужно искать в собраниях племен (взрослые мужчины, способные носить оружие). Необходимо, разумеется, учитывать и то обстоятельство, что вече не являлось народным представительством в современном значении, оно – проявление прямой (непосредственной) демократии. Вече, разумеется, по-разному проявляло себя в разных «волостях» и «землях», что определялось структурными особенностями общества той или иной территории, но в целом значение этого органа власти велико, особен-

но на северо-западе Руси (в Новгороде, Пскове) [16, с. 358]. Созывали вече по инициативе городской верхушки, выборных должностных лиц (посадников) либо князя по мере необходимости. Компетенция вече не была строго определена, поскольку не существовало хартий конституирующего характера, кроме поздних Псковской и Новгородской судных грамот (эти грамоты появились на излете независимости Новгорода и Пскова). В этом состоит существенное отличие древнерусских городов от европейских. Многие вопросы городской жизни на Руси регулировало обычное право, носившее неписаный характер. В целом попытки отечественных ученых определить полномочия вече в древнерусских городах привели к выделению таких его функций, как призвание и изгнание князя (вопрос регулировался путем заключения ряда договоров), решение вопросов войны и мира, законодательства, роли высшей судебной инстанции.

Как обоснованно полагает И.Я. Фроянов, «вече – это народное собрание, являвшееся составной частью социально-политического механизма древнерусского общества. Подобно тому, как в далекие времена народные собрания не обходились без племенной знати, так и в Киевской Руси неизменно их участниками были высшие лица: князья, церковные иерархи, бояре, богатые купцы. Нередко они руководили вечевыми собраниями. Но руководить и господствовать – вовсе не одно и то же. Поэтому наличие лидеров-руководителей (заметим, кстати, что без них не в состоянии функционировать любое общество, даже самое примитивное) на вечевых сходах нельзя расценивать в качестве признака, указывающего на отсутствие свободного волеизъявления “вечников”. Древнерусская знать не обладала необходимыми средствами для подчинения веча. Саботировать его решения она тоже была не в силах» [14, с. 657].

Соответственно, была высока и ценна личная свобода горожанина, особенно состоятельного. Идея свободы, видимо, служила частью мировоззрения городских жителей, которое в целом, разумеется, носило религиозный характер, как и у горожан

средневековой Европы. Были существенные отличия ментальных установок жителей Руси и, например, горожан в Северной Италии или Фландрии. В контексте социально-антропологического измерения права и политических институтов в меньшей степени прослеживается юридическое начало городского самоуправления Киевской Руси. В отношении деятельности такого собрания, как вече, это особенно заметно. Современные отечественные юристы-историки практически единодушно констатируют то обстоятельство, что «говорить о четкой, детальной и устойчивой процедуре проведения веча, конечно же, было бы явным преувеличением. Имели место лишь общие контуры, которые легко могли быть изменены непосредственно в ходе обсуждения. Решения принимались большинством голосов в прямом смысле этого слова – силой крика. В случае раскола дело могло дойти до элементарной драки, что, однако, рассматривалось как вполне легитимный способ разрешения конфликта: в глазах участников веча победа в столкновении определялась не столько силой той или иной стороны, сколько силой правды, имеющей божественную природу» [7, с. 111].

Таким образом, древнерусское вече стало продолжением народного собрания родового строя, несколько изменив функции в связи со становлением государственности. Можно констатировать тот факт, что первые политические организации Древней Руси есть не что иное, как вождества, очень крупные территориально. За несколько столетий (с IX по XII в.) территориальные вождества внутренне консолидировались, и поэтому единая, централизованная власть киевского князя стала номинальной. В связи с этим А.Ю. Дворниченко, разработавший, наряду с И.Я. Фрояновым, концепцию городов-государств Древней Руси и характеризующий волости в качестве отдельных государственных образований, пишет: «К такому обособлению, преследующему цель формирования самостоятельных городов-государств, толкала сама социально-политическая организация древнерусского общества с присущей ей прямой демократией, выразив-

шейся в непосредственном участии народа в деятельности народных вечевых собраний – верховного органа власти города-государства» [4, с. 158].

Функционирование государственного механизма древнерусских городов можно рассмотреть на примере Великого Новгорода. Северо-запад Руси по своему географическому положению находился ближе всего к Балтийскому морю и Северной Европе. Возникнув в конце IX в., Новгород очень быстро превратился в крупный региональный торговый центр, через который купеческие караваны шли по пути «из варяг в греки» и обратно. Кроме того, в Новгород поступали товары из стран Азии и Зауралья. Соответственно, формировалась самобытная городская культура, во многом определявшаяся интенсивным развитием обменных отношений. В течение XI – начала XII в. происходили ускоренное становление и внутренняя консолидация новгородского общества, расширение сферы его влияния на северо-западе Руси и осознание собственных интересов, отличных от устремлений великокняжеской власти в Киеве. Если первоначально в Новгороде безраздельно господствовали наместники, присылаемые киевскими князьями, то к середине XI в. ситуация начинает существенно изменяться. Внешне это выражено в изгнании князей из Новгорода. Как полагают И.Я. Фроянов и А.Ю. Дворниченко, подобное положение можно считать «крупным завоеванием новгородцев в борьбе за освобождение от власти киевских князей. Способность выдворить того или иного князя – явный признак возросшей активности новгородской общины, формирующейся городской волости» [15, с. 161].

Почему именно в Великом Новгороде развитие событий привело к формированию развитого регионального самосознания? Причин этого выявлено много. Прежде всего – географический фактор. Располагаясь на пути «из варяг в греки», Новгород стал центром транзитной торговли и собственного производства. Следовательно, росло богатство городской общины, особенно ее верхушки, и усиливалось стремление боярства и купечества к

политической самостоятельности.

Нельзя не обратить внимание и на то обстоятельство, что после 1132 г. на Руси не было князей, способных объединить под своей властью территорию страны в целом. Отдельные княжения-волости (земли) все дальше расходились друг от друга и постоянно дробились ввиду увеличения количества князей-рюриковичей (в наследственном праве Киевской Руси, да и последующих эпох, не существовало майората, что вело к стремлению крупных землевладельцев обеспечить всех детей, если и не поровну, то хотя бы малой частью имущества).

Кроме того, видимо, определенную роль играло и то обстоятельство, что с учетом втянутости в торгово-промышленную деятельность большинства горожан взрослые свободные жители Новгорода, и не только мужчины, были людьми грамотными, о чем свидетельствует огромное количество постоянно находимых берестяных грамот. Грамотность, хотя и минимальная, возвышает индивидуума как в собственных глазах, так и во мнении окружающих, а соответственно, формируется чувство собственного достоинства. Такие люди в наименьшей степени способны быть бессловесными холопами.

Значим еще один факт, связанный с религиозным положением на Руси. Если киевская городская община приняла христианство в общем и целом добровольно, то в Новгороде ситуация была диаметрально противоположной. Языческие верования на северо-западе Руси сохранялись дольше, чем в южных землях и именно Великий Новгород стал уже в XIV–XV вв. местом появления различных еретических учений предвозрожденческого и даже протестантского характера (стригольники). Видимо, специфика религиозности предполагала сохранение определенных языческих черт в менталитете [5, с. 102].

В итоге формируется самобытный общественный и государственный строй Великого Новгорода, после 1136 г. превращающийся в республиканский. В течение XII столетия интенсивно развиваются республиканские магистратуры. Традиционно республика ассоциируется с выборностью

всех должностных лиц, но с Великим Новгородом ситуация выглядела гораздо сложнее. Как справедливо утверждает В.Л. Янин, «своеобразие новгородской государственности таково, что ставит в тупик любого исследователя, поставившего целью определить в простейших формулах ее характер. Новгородский “вечевой строй” привычно называют республикой. Однако на протяжении всего периода независимости структура новгородского государства неизменно включала княжеский стол. Неверно было бы включать Новгород и в число древнерусских княжеств... Договорные грамоты Новгорода с князьями демонстрируют столь высокую степень ограничения княжеской власти органами боярской государственности, что князь в Новгороде предстает лишь одним из правящих органов властной системы. В эпоху расцвета новгородской государственности в XIII–XIV вв. он не имеет права собирать государственные доходы “своими людьми”, владеть землей в новгородских пределах и “кончать суд без посадника” в совместном с посадником суде; новгородцы же вольны пригласить князя и изгнать его по своему желанию. Новгородская государственность, следовательно, предстает как сложный симбиоз органов республиканской и княжеской власти, соотношение которых отнюдь не неизменно» [17, с. 7].

Новгородская республика обладала определенными признаками, существенно отличавшими ее от других земель Киевской Руси: отсутствие княжеского домена и сильное местное светское и церковное землевладение; превращение местного боярства в крупных торговцев и банкиров; более высокий уровень ремесла и торговли, обусловленный природно-климатическими и географическими условиями [1, с. 83]. Социальная структура Великого Новгорода была сложной и дробной. Верхнюю ступень образовывало боярство, являвшееся наследником родовой знати. Это экономически и политически господствовавшая группа, обладавшая максимумом политических прав (из боярской среды избраны все высшие должностные лица республики). Как полагает В.Л. Янин, «ве-

чевой строй сравнительно с организацией управления в княжествах в самом деле отличался видимыми чертами демократизма в его средневековых формах, но этот демократизм иллюзорен. Новгородский вечевой строй является образцом демократии в ее боярском варианте. Власть в Новгородском государстве принадлежала не какому-то идеальному межклассовому сообществу, а богатейшим землевладельцам, на что, в частности, указывает численность общегородского веча, которое в немецком источнике 1331 г. носит название «300 золотых поясов». По-видимому, этот термин к XIV в. был реликтом, отражая бывшее равное представительство трех древнейших концов. Когда концов стало пять, число вечников могло возрасти до пятисот, а это примерное число крупных городских усадеб Новгорода и, следовательно, количество богатейших дворовладельцев» [17, с. 8–9].

Следует учитывать еще один факт: политическая свобода в средневековом обществе, действительно, носит ограниченный, статусный характер, но от этого она не перестает быть свободой. Олигархические режимы существовали во многих городах средневекового Запада, но факт наличия свободы выбора и борьба различных социально-политических групп за власть объективно вели к росту вовлеченности свободных горожан в деятельность органов управления коммуной, утверждению гражданственности и т.д. Поэтому видеть в боярской олигархии лишь своекорыстную группировку неверно. Интересы горожан так или иначе учитывались при принятии решений, и у веча были реальные возможности противостоять боярству (в том числе и радикальные по последствиям для отдельных должностных лиц).

Помимо боярства, значительную роль в жизни Новгорода играли житейские люди (говоря современным языком – средний класс). Их основное занятие – землевладение, наряду с торговлей и финансовыми операциями. Политические права житейских людей были ограниченными по сравнению с боярством. Представители «среднего класса» не могли быть избраны на высшие должности республики (посадник, архи-

епископ, кончанский староста). К категории горожан среднего достатка отнесено и новгородское купечество. Это – основной «торгово-промышленный класс» республики, обеспечивавший во многом ее могущество и экономическое процветание. Как констатирует А.Ю. Дворниченко, «не преувеличивая значения торговли, как это делалось в дореволюционной историографии, надо сознавать, что в истории северного исполина она, тем не менее, сыграла особую роль. По сути дела, когда говорим о торговле Руси с Западом, то имеем в виду именно Великий Новгород. Уже в XII в. установились тесные контакты Новгорода с островом Готланд – важнейшим центром балтийской торговли. В городе появляется Готский двор, а во второй половине того же столетия – Немецкий двор. В 20-е годы XIII в. положено начало Ганзе – союзу северо-немецких городов. Это была не просто купеческая гильдия для охраны торговых привилегий, а своего рода “ассоциация купеческих ассоциаций”, задачами которой были: борьба с сеньорами и создание контор за границей» [4, с. 210–211].

Значительную по численности категорию жителей республики составляли своеземцы, занимавшие положение между житейскими людьми и крестьянами. Они владели мелкими вотчинами, могли сдавать землю в аренду, пользовались привилегиями горожан и входили в состав новгородской общины.

Собственно горожане образовывали торгово-ремесленный слой, делившийся на «старейших» (городскую верхушку) и «молодых» (свободных ремесленников, мелких торговцев и наемных рабочих). Эта категория жителей Новгорода несла на себе основное налоговое бремя, выполняла различные натуральные повинности (ремонт дорог и мостов), ее призывали в ополчение. «Молодые» пользовались привилегиями горожан, обладали правом на участие в работе веча, но не могли быть избранными на выборные должности.

Необходимо указать характерную деталь: в Новгороде отсутствовала привычная на средневековом Западе цеховая организация ремесленников. Последние обслуживали не только свободных горожан в

целом, но прежде всего боярские семьи. Как объясняет эту ситуацию В.Л. Янин, «исследованные к настоящему времени многочисленные ремесленные мастерские Новгорода расположены на боярских усадьбах и, следовательно, контингент работавших в них мастеров принадлежит к категории вотчинных ремесленников, материально и духовно зависимых от владельцев усадеб» [17, с. 11–12]. Таким образом, юридически свободное население Новгорода находилось в определенной зависимости от боярства и активно поддерживало те или иные группировки, борвавшиеся за власть в городе.

Обращаясь к характеристике органов государственной власти в республике, на первое место необходимо поставить вече. По сравнению с городами юга Руси, в Великом Новгороде полномочия этого органа власти носили, по сути, неограниченный характер (вместе с тем боярские группировки могли направлять массу горожан в нужном ключе и в определенной степени манипулировать ею). К основным функциям новгородского веча отнесены следующие:

- законодательствование (только на вечевом собрании можно принять новый закон или изменить действующий);
- осуществление правосудия (контроль нижестоящих судов и деятельность в качестве суда первой инстанции по наиболее важным для горожан делам);
- исключительное право объявлять войну и заключать мир;
- избрание высших должностных лиц города (посадник, тысяцкий, архиепископ);
- приглашение князя на княжение;
- фискальная функция (установление чрезвычайных и постоянных налогов).

Историки пишут о том, что «вече имело свою канцелярию во главе с “вечным дьяком”. Конечно, на вече бывало шумно, бывали и столкновения, но не надо представлять работу этого органа власти как буйство толпы. Деятельность веча носила вполне упорядоченный характер, соблюдался своего рода вечевой этикет» [4, с. 213].

Следующий по значимости орган государственной власти в Новгороде – оспода (господа), то есть, по сути, аристократический совет, состоявший из высших должностных лиц республики, как действующих, так и бывших. Перечислим главные функции этого органа:

- созыв вечевого собрания;
- подготовка вопросов, выносимых на вече;
- организационные и контрольные полномочия.

Очень важная должность в системе республиканских магистратур – посадник. Изначально посадник – представитель городской общины в княжеской администрации. В процессе эволюции новгородской государственности в период конца XI – начала XIII в. появились изменения, которые привели к повышению самостоятельности веча и приданию княжеской власти республиканского характера. В результате произошло следующее: расхождение княжения и наместничества, нарушение тождества княжения и посадничества, выделившегося в самостоятельную выборную должность, а впоследствии и отделение посадничества от наместничества [15, с. 162].

Соответственно, «с возникновением посадничества нового типа, функционирующего наряду с княжеской властью, должность наместника отделилась от должности посадника, оставаясь привязанной лишь к титулу князя. Киев, оказавшись бессильным остановить процесс внутренней консолидации новгородского общества, выразившийся, помимо прочего, в создании местных институтов власти, пытался приноровиться к новым порядкам, дабы не упустить нити управления Новгородом. Но то были бесперспективные попытки. Посадничество окончательно приобрело сугубо местную постановку. Власть киевских князей над новгородцами резко, таким образом, сократилась. Назначение посадников навсегда сменилось их избранием на вече. Значение новгородского веча как верховного органа волости неизмеримо возросло» [15, с. 163].

Избрание посадника осуществлялось на вече из представителей различных боярских семейств сроком на один-два года.

Посадник обладал широкими полномочиями, к которым отнесены руководство административно-судебным аппаратом и назначение низших должностных лиц, осуществление руководства вместе с тысяцким городским ополчением. Во внешнеполитических отношениях посадник от имени Новгорода вел переговоры и заключал соглашения.

Должность посадника оказалась одной из важнейших магистратур Новгорода на протяжении его истории как независимой республики. Посадники, будучи представителями боярства, тем не менее в значительной степени зависели от веча, и они могли быть смещены в результате недовольства горожан. В частности, смещение посадника с должности могло происходить по причине длительной засухи или неурожая, так как правитель воспринимался, по крайней мере отчасти, как сакральная фигура, связанная с божеством [13, с. 308].

Помимо посадника, значимое место в системе новгородской власти имела должность тысяцкого. На этот пост могли быть избраны представители не только боярских семей, но и менее знатные горожане. Основными функциями тысяцкого было руководство городским ополчением (вместе с посадником), представление Новгорода на международных переговорах и осуществление правосудия по торговым делам, в том числе разрешение споров с иностранцами.

Судебная функция тысяцкого особенно важна, поскольку объемы торговых операций в Великом Новгороде были более значительными, по сравнению с любым другим древнерусским городом, а осуществление справедливого суда формировало имидж города и позволяло развиваться деловому обороту. Как полагает известный экономист А. Грейф, исследовавший рыночные механизмы средневековой Европы, «изучение институтов проясняет, почему одни страны богаты, а другие – нет, почему в одних странах благодаря политическому порядку растет благосостояние, а в других нет. Полезные для общества институты способствуют сотрудничеству и действиям, увеличивающим благосостояние. Они создают фун-

дамент рынков путем эффективного распределения, защиты и изменения прав собственности, обеспечения гарантий по контрактам и мотивирования специализации и обмена» [2, с. 29]. Соответственно, институты власти в Великом Новгороде были во многом ориентированы на торговлю, в том числе и транзитную.

Еще одной и своеобразной республиканской магистратурой была должность архиепископа, выборы которого проводили с 1156 г. Архиепископ выполнял функцию главы государства, выступая в качестве арбитра в спорах как между городскими властями, так и во взаимоотношениях с князьями. Полномочия архиепископа можно признать значительными и свести их к следующим:

- управление епархией и осуществление церковного суда;
- руководство осподой (исполнительным органом городской власти);
- управление церковным имуществом (епархия была крупнейшим землевладельцем);
- хранение государственной казны и архива (располагались в соборе святой Софии);
- командование владычным полком.

Институт князя в структуре власти Новгородской республики очень сильно эволюционировал на протяжении X–XII столетий. Если изначально князь – глава раннего государства, обладавший всей полнотой власти, то после 1136 г. он – лишь наемный чиновник с ограниченными (прежде всего военными) полномочиями. Подобное развитие событий непосредственно связано с реальной экономической и политической силой новгородской городской общины, которая поддерживала того или иного князя постольку, поскольку последний соблюдал интересы Новгорода. Учитывая огромное расстояние от Новгорода до Киева, лично руководить «северной столицей» Руси киевские князья не могли и присылали наместников (чаще всего старших сыновей). После смерти в 1132 г. Мстислава Великого, последнего повелителя единого древнерусского государства, власть Киева над другими землями Руси резко ослабла, и Новгород начал

вести практически независимое существование. В результате в течение XII столетия выработан определенный порядок функционирования института княжеской власти в Новгороде. С каждым очередным князем был заключен договор (ряд), в котором четко фиксировали права и обязанности сторон. К тому же права князя носили расплывчатый характер, и тем самым община города могла то сужать их, то расширять. В целом «князь стоял во главе управления и суда, но действовал под контролем посадника. Он не мог смещать или назначать на должности, считавшиеся выборными. В договоре предусматривались и размеры вознаграждения князей, в частности дары от волостей, судные и проезжие пошлыны. Князю, его жене и дружинникам запрещалось приобретать села в Новгородской земле, вести заграничную торговлю, не прибегая к посредничеству новгородских купцов. Охотиться и ловить рыбу князь мог только в отведенных для этого местах. Земля отводилась для временного владения с правом получения феодальной ренты и других доходов» [1, с. 89].

Следовательно, княжеская администрация находилась под постоянным контролем городских властей и не могла поступать своевольно, незаконно. Несмотря на ограниченный характер участия жителей Новгорода во властных структурах, демократичность государственности на севере Руси не может быть подвергнута сомнениям, особенно по сравнению с порядками, утвердившимся с XIV столетия в Московском княжестве. В рамках рассматриваемой проблематики необходимо обратить внимание и на то обстоятельство, что органы государственной власти Великого Новгорода не были единственными субъектами властных отношений на территории города. Как обоснованно полагает А.Ю. Дворниченко, «несмотря на сильные олигархические тенденции и усиление роли боярства, Новгород до конца своей самостоятельности сохранил не только общинную структуру, но и общинную сущность» [4, с. 214]. Уличанские общины, объединявшие большие семьи улицы, обладали определенными властными полномочиями, которые осуществлялись со-

ответствующими органами и должностными лицами. Высшим органом власти уличанской общины выступало вече, избравшее уличанского старосту. Этот низший магистрат осуществлял полицейские функции и вершил суд в качестве первой инстанции. Староста представлял интересы уличанской общины на более высоком уровне самоуправления города. Улицы объединялись в сотни, имевшие собственные вече и выборных должностных лиц (сотские старосты). Две сотни образовывали конец (район), которых в Новгороде было пять. Каждый конец также имел собственные органы власти, прежде всего кончанское вече. На таком вече избирали кончанских старост, представлявших конец на общегородском вече.

То, насколько данная система властвования в целом могла долго существовать, – вопрос спорный и вряд ли разрешим до конца. При наличии слабых в военном отношении соседей Новгород мог процветать несколько столетий, но в процессе консолидации северо-востока Руси неизбежным было столкновение интересов Новгорода и Москвы. Учитывая агрессивную политику московских верхов и их «азиатскую» сущность, у Новгорода было немного шансов отстоять свою независимость. Как констатирует М.Т. Флоринский, «свидетельства летописей, возможно, несколько подретушированные позднейшими московскими редакторами, чтобы представить нарушение древних свобод “вольных городов” в более выгодном свете, дают гнетущую картину политической смуты и зияющего общественного и экономического неравенства. То, что такие условия действительно существовали, нельзя оспаривать. Эксплуатация масс правящим меньшинством, тоже разделенным на слои, не могла не привести к результату, который в современной терминологии может быть назван классовой борьбой. Вече содержало элементы, которые на иной почве могли развиваться в демократическую форму правления. Но в Новгороде, повторим, этот институт был в большей степени игрушкой в руках правящей клики, кроме тех случаев, когда вече выходило из-под контроля кукловодов и,

как монстр Франкенштейна, уничтожало их в оргии власти толпы» [12, с. 99].

Вероятно, М.Т. Флоринский несколько сгущает краски. Противостояние Новгорода и Москвы, четко обозначившееся в XV столетии, целесообразно рассматривать сквозь призму столкновения вечевых строя киевской эпохи и ордынских порядков, во многом заимствованных Московским княжеством в процессе создания централизованной государственности и «собирания Руси». Негативную роль сыграл и географический фактор, четко показывающий, что у Руси не было возможности отгородиться от кочевых народов Азии горами, морем и т.д. Поэтому и получило дальнейшее развитие военно-полицейское, авторитарное направление в политической практике, наложившееся на особенности религиозного мировоззрения московской эпохи и своеобразного понимания византийского культурного наследия. Все это вместе и привело к экспансионистской политике Москвы, ее постоянному стремлению к новым захватам территорий соседних государств. Следует согласиться с мнением Н.А. Омельченко, полагающего, что России исторически свойственна этатизация общества [10, с. 41–42].

Позволим себе изложить собственные суждения о причинах насильственной гибели средневековых вечевых республик Северной Руси с опорой на данные современной социальной антропологии. Новгород по своей внутренней структуре был гораздо более сложным политическим организмом, нежели военно-авторитарная Москва. Необходимость поддерживать стабильность и работоспособность механизма властвования объективно ведет к развитию умений и навыков лавирования и одновременно росту значения договорных отношений. Развитию последних в Новгороде способствовала активная внутренняя и внешняя торговля, порождавшая, в свою очередь, необходимость высокого уровня грамотности взрослого населения.

Проявление же различных эксцессов (драки на вече, сбрасывание должностных лиц с моста в Волхов и т.д.) есть не что иное, как внешнее выражение традиционализма (Новгород, в отличие от городов

Запада, не стал местом развития науки и образования, способствовавших секуляризации сознания). Так, И.Я. Фроянов дает исключительно антропологическую трактовку практики разграбления имущества должностных лиц. Ученый пишет: «Раздел награбленного имущества по сотням свидетельствует о том, что мы имеем дело с необычными грабежами, которые нельзя понимать в буквальном смысле слова. Здесь мы наблюдаем специфическое явление, типичное для переходных обществ, а именно: борьбу старой коллективной собственности с развивающейся новой частной собственностью. Грабежи, о которых говорит летописец, есть своеобразное перераспределение богатств по принципу коллективизма, противодействие общины личному обогащению. Подобной практике во многом способствовало то обстоятельство, что богатства древнерусской знати, в том числе и новгородской, создавались преимущественно за счет публичных поступлений – всевозможных платежей за отправление общественно полезных функций. Поэтому неудивительно, что люди Древней Руси смотрели на собственность князей и бояр как на отчасти преобразованную или временно оккупированную общинную собственность, подлежащую возврату в лоно общины. Отсюда устранение от власти того или иного правителя сопровождалось отнятием у него богатств, добытых посредством этой власти» [13, с. 413–414]. Подобные проявления архаичного сознания были свойственны и европейскому Средневековью: после смерти монарха или папы римского их имущество расхищали придворные и слуги.

Почему же, несмотря на наличие определенной схожести развития, древнерусские города не стали «мотором» демократизации социума и местом формирования более современного права? Ответ, как нам представляется, кроется в отсутствии прямого контакта с античной цивилизацией и получении доступа к ее наследию через посредников в лице византийского духовенства, ставшего к X в. опорой крайне консервативных настроений, что привело к формированию собственной модели государственности. Таким образом, эволюци-

онный путь русской государственности необходимо рассматривать в отрыве от классических западных моделей, поскольку формирование ментальности общества происходило в иных условиях, а следовательно, правосознание общества приобрело иные черты.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вологдин А.А.* История государства и права России. М.: Высш. шк., 2007. 712 с.
2. *Грейф А.* Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли. М.: ИД Высшей школы экономики, 2013. 531 с.
3. *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М.: Госполитиздат, 1953. 568 с.
4. *Дворниченко А.Ю.* Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. М.: Весь Мир, 2010. 939 с.
5. *Демченко Т.И.* Правовое сознание в древнерусской и российской государственно-правовой жизни. М.: Юрлитинформ, 2013. 341 с.
6. *Исаев М.А.* История российского государства и права. М.: Статут, 2012. 838 с.
7. История государства и права России / под общ. ред. В.Е. Рубаника. М.: Юрайт, 2012. 876 с.
8. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Полное издание в одном томе. М.: Альфа-книга, 2009. 1197 с.
9. *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения: в 3 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1979. 635 с.
10. *Омельченко Н.А.* История государственного управления. М.: Юрайт, 2013. 575 с.
11. *Сергеевич В.И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. М.: Зерцало-М, 2004. 451 с.
12. *Флоринский М.Т.* Россия. История и интерпретация: в 2 т. Т. 1. СПб.: Наука, 2013. 486 с.
13. *Фроянов И.Я.* Древняя Русь IX–XIII веков: народные движения, княжеская и вечевая власть. М.: Русский изд. центр, 2012. 1087 с.
14. *Фроянов И.Я.* Начала русской истории. Избранное. М.: Парад, 2001. 975 с.
15. *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1988. 272 с.
16. *Юшков С.В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1949. 544 с.
17. *Янин В.Л.* Новгородские посадники. М.: Языки славянской культуры, 2003. 511 с.